

10.01.2011 11:30 , Дмитрий Литвин

Травма Андруховича

Писатель Юрий Андрухович нанёс очередной удар по евроинтеграционным перспективам Украины: призвал ЕС обращаться с Украиной как с Беларусью. Откуда это у него? Справедливо ли уравнивать Януковича и Лукашенко?

Очередная «победа» Александра Лукашенко на президентских «выборах» в Беларуси странно отразилась на некоторых, отличающихся «активной гражданской позицией» гражданах постсоветских государств. Этим людям видится призрак «лукашизации», который якобы бродит по бывшему СССР, по крайней мере, в европейской его части, и норовит остаться – как боятся россияне – в России или – как боятся украинцы – на Украине.

Приведу два примера. Первый из России, второй из Украины.

Андрей Илларионов (советник президента Путина по экономической политике в 2000-2005 годах, президент Института экономического анализа и один из интереснейших российских «несогласных») недавно прямо заявил, что последние события в России «говорят о приходе Минска в Москву, о лукашизации России».

Юрий Андрухович (широко известный в узких кругах украинский писатель) заявил, фактически, то же самое, однако не прямо. Он посоветовал Европейскому Союзу вести себя с Украиной как с Беларусью. Если перевернуть этот совет в попытке понять, на чём он основан, то нельзя не заметить простую вещь: чтобы вести себя с Украиной как с Беларусью, надо признать, что Украина стала как Беларусь, то есть переживает – или уже пережила – процесс лукашизации. (Замечу, что сам термин «лукашизация» до Андруховича пока не дошёл, но это не должно вводить в заблуждение, – украинская «интеллигенция» по традиции несколько отстаёт от российской).

То, что происходит у братьев россиян в политической жизни, – это дело братьев россиян. А вот такой образ мысли украинца, украинского писателя

чрезвычайно интересен и заслуживает того, чтобы рассмотреть его внимательно.

Сразу надо сказать, что Андрухович не обычный писатель. Инженер человеческих душ, как метко выразился товарищ Олеша.

Ну, правда, сталинские термины у нас как-то вышли из моды, хотя их суть по-прежнему актуальна. Так что, придётся использовать нечто более современное. Например, модератор человеческих желаний.

Не так давно в интервью УНИАН Андрухович сам признался, что не столько книги писал, сколько с совком боролся: «Відколи я пишу – упродовж 25 років – прозу, публіцистику, вірші, там усюди можна цей меседж прочитати: ми зникаємо, гинемо, нас нищать. Та оскільки я не плаксію за своєю природою, не нарікаю, а волю сміятися, то, можливо, не всі в моєму писанні цей меседж прочитують. Чому цей рік такий складний для мене? Я зненацька побачив, що наче не існує нічого написаного мною досі, тобто нічого з того, що сказане, нібито й не спрацювало. Ми й далі стоїмо там, де були, коли я починав, – у совку. Треба все починати з першого слова. Але так набридло бути Сізіфом. Це навіть не тому, що Янукович перемиг, це взагалі в усьому так».

И если уж Андрухович изъясил себя из литературного контекста и поместил в политический контекст, причём в самую сердцевину политического контекста – в посткоммунистическую трансформацию, – то и рассматривать его слова следует как слова субъекта политического процесса, а не как слова субъекта литературного процесса в частности либо культурного процесса в целом.

Как субъект политического процесса Андрухович должен нести и часть ответственности за этот процесс, за его результаты, то есть за политическое пространство Украины. И вот тут-то к нему вопросы возникают примерно такие же, какие у него возникают к президенту Януковичу.

Иными словами, эта боязнь лукашизации Украины, этот совет Европейскому Союзу вести себя с Украиной как с Беларусью – больше говорят о боящемся и советующем, чем о методах президента Януковича и тех, кого он привёл к власти. Ведь проблема не в том, что президент Янукович, если захочет, сможет превратиться (или уже захотел и

превращается) в президента Лукашенко. Проблема в том, что политическое пространство Украины настолько искривлено (и это случилось задолго до того, как у Виктора Януковича вообще возникли президентские амбиции), насколько необходимо искривить, чтобы президент обладал возможностями по превращению нашего государства – политически – в нынешнюю Беларусь.

Собственно, искривление политического пространства первично. А то, что может произойти в этом пространстве, – вторично.

Подчёркиваю: сначала политическое пространство стало вот таким, и только потом, значительно позднее в нём появился президент Янукович, на которого сейчас многие, в том числе и Андрухович, переносят причину произошедшего.

Позволю себе усложнить заметку и процитировать слова словенского философа Славоя Жижека из фильма «Реальность виртуального» о травме. Жижек, пересказывая работы Зигмунда Фрейда и Жака Лакана, объяснил поведение Андруховича ещё до того, как Андрухович стал вести себя так.

«При начальном рассмотрении Фрейд представляет травму как некое плотное, сырое присутствие, присутствие реального, которое ожесточённо вторгается в наше символическое пространство и искривляет его. Вот давайте представим, что у меня есть своё устойчивое символическое пространство. И вдруг со мной случается нечто травматическое. Например, меня насилуют, или я наблюдаю некое ужасное событие, или меня пытаются, – да что угодно. Из-за этого травматического воздействия этого события моё символическое пространство искривляется, возникает некоторый дисбаланс.

Однако затем Фрейд рассматривает травму иначе. Он отметил некоторые необычные вещи. Какие? Давайте вспомним его хорошо известный анализ Человека-волка. Произошла травматическая сцена с маленьким мальчиком, Человеком-волком, заставшим своих родителей занимающимися сексом. Посмотрим на это более пристально: что на самом деле произошло здесь? Это была не просто какая-то травма. Будучи маленьким ребёнком, Человек-волк не видел ничего травматического в этой сцене, он всего лишь воспринимал и запечатлевал её. И только спустя три-четыре года, когда

Человек-волк начал развивать свои детские теории и фантазии о сексуальности, и поскольку он не мог разобраться со своей сексуальностью, другими словами, поскольку символическое пространство его сексуальных теорий было искривлено, – только в этой точке он восстановил травматическую сцену.

Так что, первичным фактом является не некое грубое вторжение реального, травматического реального. Первичным фактом выступает этот дисбаланс, искривление символического пространства, раздираемого противоречиями. И чтобы объяснить всё это, человеку нужна отсылка к некоему реальному. Конечно же, реальное, реальное в его травматическом облике – это нечто новое, угроза».

Вернёмся к Андруховичу. В его версии политика президента Януковича и людей, которых тот привёл к власти, есть определённо внешняя травма, которая грубо вторгается, искривляя политическое пространство. Предполагается, что общество было гармонично или, по крайней мере, гармонизировалось, избавлялось от совка, а вот эта власть вторглась и нарушила его порядок, не только остановила указанное избавление, но и начала лукашизацию, дальнейшее упрочение совка.

Такие представления следует обязательно переворачивать: не из-за этой власти произошло нарушение порядка, а изначально было искривлено политическое пространство. И **для того, чтобы вообразить, объяснить это**, Андрухович использует фигуру президента Януковича, фигуру действующего руководства Украины. То есть он переносит причину происходящего на фигуру этой власти.

Украинцы в основном думают, что Украина Европейскому Союзу не такой сосед, как Алжир, Турция или Молдова. А потому рассчитывают на некое особенное внимание. В ЕС думают иначе, но дело не в этом. Дело в том, что на границах ЕС расположены государства, которые в разной степени желают сотрудничать с ЕС (вплоть до интеграции в ЕС) и при этом являются государствами с «проблемной демократией». Это и государства на Балканском полуострове, и государства на Ближнем Востоке, и государства в Северной Африке, и государства в Восточной Европе.

Так вот, если смотреть на Украину из Брюсселя, то, шутливо говоря, процесс алжиризации Украины либо процесс эрдоганизации Украины показались бы ЕС значительно более пугающими, чем лукашизация. Однако события в Алжире и деятельность премьер-министра Турции Эрдогана вряд ли могли конкурировать за внимание Андруховича и таких людей, как он, поэтому для того, чтобы вообразить, объяснить происходящее в нашей стране, ему нужен образ недемократической Беларуси.

Подчёркиваю: это психологический приём, интересная игра ума, претендующая на то, чтобы стать быстрым объяснением; и особенно актуальная для послесоветской «интеллигенции» в период после очередной «победы» Лукашенко на президентских «выборах».

Ну, и некоторые тезисы с учётом российского контекста.

Раз уж Андрухович заодно заявил, что Янукович – это карикатура на Путина, то следует спросить, а сам Андрухович – это случайно не карикатура, например, на Буковского? Тот тоже боролся и борется с совком в своих произведениях.

Забавно, что российские оппозиционеры, «несогласные» представители «интеллигенции» часто называют Путина карликом, Крошкой Цахес. Пётр Мамонов не так давно назвал Путина хлюпеньким.

И тут Андрухович: «Путин элегантный, хитрый, спортивный, сексуальный». Ну, кем надо быть, в самом деле, чтобы Крошка Цахес показался элегантным, хитрым, спортивным и сексуальным? Филистером?

Иными словами, раз уж модератором человеческих желаний стал филистер (и, к сожалению, не один), стоит ли удивляться тому, что политическое пространство искривлено настолько?